

Ф.А. Курганов

**Борьба папы Бонифация VIII
с французским королем
Филиппом IV Красивым**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф.А. Курганов**
Борьба папы Бонифация VIII с французским королем Филиппом IV Красивым
/ Ф.А. Курганов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 152 с.

ISBN 978-5-4241-8060-6

ISBN 978-5-4241-8060-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

скою властію. Церковь должна болѣе не распоряжаться земнымъ царствомъ, а подчиняться ему; были еще толки о равноправіи, но рука уже занесена на полное подчиненіе церкви, которое не удалось тотчасъ, но могло сдѣлать успѣхи. Перестала болѣе быть третейскимъ судьей князей папа, — споры ихъ начали рѣшать одинъ только мечъ; изсякло сознание единства и семейной связи христіанскихъ народовъ, — начали пріобрѣтать постоянно увеличивающуюся почву національное соревнованіе и эгоизмъ; политика совершенно отдѣлилась отъ морали и религіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и земному царству грозили новыя опасности. Въ Германіи императорская власть была сильно ослаблена, территоріальные князья были одушевлены только своекорыстіемъ; во Франціи монархія сдѣлалась превозмогающею, но также нашла обузданіе своего высокомерія въ Англии, которая опять сама истощалась во внутреннихъ войнахъ. Интересъ лица повсюду противосталъ интересу цѣлаго, вмѣсто единства обнаружилось раздробленіе, вмѣсто по правдѣ и мирно живущихъ другъ подле друга цеховъ — только враждующія между собою партіи. Государство начало увеличивать элементы, которые ему самому грозили погибелью. Ибо этотъ періодъ показываетъ намъ 3) *дерзкое высокомеріе*, быстро овладѣвшее раанузданными умами послѣ ослабленія авторитета, — *стремленіе къ революціи*, являвшееся повсюду, если преержація власти приходили въ смущеніе, а также не соответствовали предъявляемымъ требованіямъ; на мѣсто общаго духа выступилъ эгоистическій духъ лица, на мѣсто высшихъ идеаловъ — грубая матеріальная выгода и страсть къ пріобрѣтенію. Благодаря новымъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, равно какъ и классическому изученію, которое связано съ возбужденіемъ и возрастаніемъ языческаго духа и болѣе и болѣе становится общимъ достояніемъ, вторгся грубѣйшій матеріализмъ, домогающийся только земныхъ сокровищъ, знающій лишь страсть къ наслажденіямъ, забывшій небо. Въ этомъ

ся 4) *всяческое вырожденіе и потомъ опять зареніе научныхъ произведеній: вырожденіе*, потому что старая схоластика, вслѣдствіе погони за тонкостями и нововведеніями, испустилась съ своей прежней высоты, богословіе и юриспруденція окаменѣли; ибо много было богослововъ, которые духовную работу Тома Аквинскаго скорѣе затемняли, чѣмъ развивали; многочисленны были правовѣды, которые не могли уберечься отъ путаницы правовыхъ понятій; *расширеніе*, потому что прибавились историческая критика, изученіе филологіи и опытныхъ наукъ, и классическое изученіе дало формѣ высшее совершенство. Но только представители вновь выдвинутыхъ областей знанія, всячески предавшись вліянію *новыхъ лжеученій*, изъ которыхъ нѣкоторыя принимали религію только за покровъ для политическихъ нововведеній, слишкомъ отдѣлялись отъ преданія и церковнаго авторитета, старались оправдать отказъ должнаго повиновенія начальству. Даже 5) *ересь* носить *гораздо болѣе общій характеръ*, чѣмъ прежде, дѣйствуетъ сильнѣе; въ то время какъ церковь въ бывшихъ доселѣ сектахъ не имѣла еще равныхъ себѣ по роду противниковъ, образовались новыя секты, которыя напали не только на отдѣльные догматы, но на совокупность ихъ въ корнѣ; которыя пользовались въ защиту своего отрицанія истинными и мнимыми злоупотребленіями церковной жизни; которыя питали недовольство и дурачили массы девиномъ: „реформа церкви во главѣ и членахъ“. Такимъ образомъ мало по малу все стало шатко, все поставлено въ вопросъ; выдвинулся индивидуализмъ, слѣдствіе—возмущенія и войны. Ложныя системы объ ограниченіи духовной власти какъ и свѣтской, объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей какъ и тѣлесныхъ старались найти свое осуществленіе въ жизни; отдѣльныя искры соединились и скоро занялось отъ нихъ яркое пламя“.

Черты періода схвачены правильно; съ ними согласится и всякій протестантскій историкъ. Разница лишь въ томъ, что то, что для паписта составляетъ

предметъ плача и воздыханій, протестанта лишь радуеть и восхищаетъ, и наоборотъ—всякія пожеланія и вождельнія паписта только претятъ протестанту и составляютъ предметъ всяческихъ откращиваній. Гдѣ же правда? Въ чемъ суть дѣла? Для того, чтобы дать почувать эту правду, вовсе не слѣдуетъ описывать весь указанный здѣсь періодъ, что въ рѣчи, по моему мнѣнію, сдѣлать даже и невозможно, можетъ повести лишь къ общимъ фразамъ и широкимъ слововыраженіямъ. Описание отдѣльнаго явленія, отражающаго въ себѣ идею цѣлаго, можетъ ясно показать и самое цѣлое.

Папство по основной своей идеѣ представляетъ обнаруженіе и развитіе языческаго государственно-жреческаго понятія о власти. По воззрѣнію язычниковъ государство обладало безусловною властію надъ личностію подданнаго; предписанія его непреложны, законоположенія священны. Правда, по идеѣ, государство было вѣстникомъ и истолкователемъ воли божества, вслѣдствіе чего всѣ языческія государства носятъ жреческій характеръ, имѣютъ въ большей или меньшей степени форму теократіи; но такъ какъ эта воля божества въ дѣйствительности никому не была извѣстна и неоткрыта, то, понятно, государство замѣстило ее собою; оно само стало божествомъ. Римляне и выразили это воззрѣніе въ культѣ императоровъ. Такимъ образомъ государство стало религіею *надъ* религіею въ собственномъ смыслѣ. Понятно, что при такомъ воззрѣніи на государство не можетъ быть и рѣчи о той *духовной* свободѣ, которая дарована Христомъ, проповѣдана апостолами и при которой одной только и можетъ быть истинное служеніе Богу духомъ и истинною.

Начало первенства въ средѣ архіереевъ христіанской церкви покоится на политическомъ значеніи городовъ, въ которыхъ кто изъ нихъ возсѣдаетъ. Объ этомъ, какъ нельзя болѣе ясно, свидѣтельствуемъ намъ вселенское сознаніе древней единой церкви, выразившееся въ соборныхъ правилахъ. 28 правило IV все-

ленскаго собора гласить такимъ образомъ: „престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: *πολλικυ το βυλ царствующий градъ (τῷ θρονῳ τῆς προεβυτῆρας Ῥώμης. διὰ τὸ βασιλέυειν τὴν πόλιν ἐκείνην οἱ Πατέρες εἰκότως ἀποδεδόκασι τὰ προεβεία).* Слѣдую тому же побужденію и сто пятьдесятъ Боголюбозвѣщніе Епископы, предоставили равныя преимущества Святѣйшему Престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ Царя и Сугклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ второй по немъ“. Дѣлая это постановленіе, отцы оговорились, что они дѣлаютъ его „во всемъ послѣдую опредѣленіямъ св. Отець“ и „постановляютъ тожде самое“, что установили и эти послѣдніе. Эта мысль о распредѣленіи преимуществъ между іерархами, сообразно политическому значенію занимаемыхъ ими городовъ, выражена также и въ апостольскихъ правилахъ, и въ опредѣленіяхъ другихъ соборовъ (см. 34 пр. апостол.; 9 пр. Авт. соб.; 36 прав. Трулл. соб.). При томъ всѣ эти постановленія, какъ видно изъ самаго текста ихъ, имѣютъ не сакраментальный характеръ, не характеръ таинства священства, а чисто каноническій, установленный для лучшаго и болѣе безошибочнаго отправленія юрисдикціи въ судѣ и управленіи.

Римскіе первосвященники отклонили отъ себя мысль отцевъ церкви о распредѣленіи „преимуществъ“ (*προεβεία*) между іерархами христіанской церкви сообразно политическому значенію занимаемыхъ ими городовъ: такія преимущества ограничены и имѣютъ условный характеръ. Вопреки мысли отцевъ и смысла соборныхъ опредѣленій, римскіе первосвященники восхитили себѣ власть неограниченную и безусловную, простирающуюся, по смыслу ихъ претензій, на всю христіанскую церковь,—власть, по основнымъ своимъ чертамъ, такого же характера, какъ и власть языческихъ государей-первосвященниковъ. Но само собою

понятно, что ни сами они, ни ихъ послѣдователи никогда не обнаруживали той мысли, что власть римскихъ первосвященниковъ въ томъ видѣ, какъ они сами характеризуютъ ее и стараются проявлять, унаслѣдована ими отъ языческаго Рима; напротивъ, они всячески стараются отклонить отъ себя эту мысль и возможно гуще затушевать ее. Въ основу своихъ претензій на безусловную, неограниченную власть въ Церкви они кладутъ слѣдующее мѣсто Писанія: Ты Петръ, и на семь камнѣ Я создамъ церковь мою, и врата ада не одолѣють Ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на земли, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ (Мѡ. 16, 18, 19). Чтобы понять истинный смыслъ этого мѣста Писанія, нужно разсматривать его въ контекстѣ. Выше сказано: „Пришедши въ страны Кесарія Филипповой, Иисусъ спрашивалъ учениковъ Своихъ: за кого люди почитаютъ Меня, Сына человѣческаго? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другіе за Илію, а иные за Іеремию, или за одного изъ пророковъ. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Симонъ же Петръ, отвѣчая, сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго. Тогда Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ. И Я говорю тебѣ: ты Петръ и пр. (Стих. 13—18). Смыслъ всего этого мѣста Писанія, очевидно, таковъ: Апостолъ Петръ *исповдалъ* Иисуса *Христомъ, Сыномъ Бога живаго*. Иисусъ одобрилъ это исповѣданіе Петра, какъ совершенно правильное, — ибо Онъ во истину Сынъ Божій, — и назвалъ его за это блаженнымъ (*μακάριος*). Блаженнымъ Петръ потому сталъ чрезъ это исповѣданіе, что произнесъ его не по внушенію плоти и крови, сущихъ въ немъ, какъ въ человѣкѣ, и присущихъ каждому человѣку, — той плоти и крови, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ судить узко, пристрастно и превратно, — а по откоро-

венію отъ Отца небеснаго, Который сообщаетъ свои откровенія людямъ только добрымъ, по истинѣ блаженнымъ (*μακάριος*). Но Христосъ не только ублажилъ Петра за это исповѣданіе: Онъ сдѣлалъ вѣчто еще большее. Когда Петръ произнесъ исповѣданіе: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“, то онъ произнесъ его не за себя только, но и за остальныхъ учениковъ Христовыхъ, ибо Спаситель ко всѣмъ имъ обратилъ вопросъ: „вы за кого считаете меня“? и молчаливое ихъ согласіе съ исповѣданіемъ Петра показывало, что и они такого же мнѣнія объ Иисусѣ, какъ Петръ. Такимъ образомъ и они въ такой же мѣрѣ могутъ быть названы блаженными, какъ и Петръ. Слѣдовательно, называя Петра блаженнымъ за произнесенное имъ исповѣданіе, Христосъ еще не отмѣтилъ Петра. Словами: „блаженъ ты Симонъ, сынъ Іонинъ“, Онъ какъ бы только подтвердилъ исповѣданіе Петрово. Между тѣмъ Петръ, произнося исповѣданіе, выдѣлился изъ ряда другихъ апостоловъ своею ревностію. Спаситель не оставилъ безъ вниманія и этой черты, но въ вѣчное воспоминаніе Петрова исповѣданія переименовалъ его собственное имя, вмѣсто Симона назвалъ его однимъ изъ свойствъ этого самого исповѣданія—Петромъ, т. е. камнемъ, знаменующимъ непоколебимую твердость исповѣданія имени Христова въ человеческомъ родѣ, его вѣковѣчность въ сознаніи послѣдняго. Спаситель какъ бы такъ говорилъ Петру: „Ты исповѣдалъ меня Христомъ, Сыномъ Бога живаго; хорошо ты сдѣлалъ и правильно твое исповѣданіе, которое тебѣ открылъ Отецъ мой, суцій на небесахъ. Вотъ и Я за это ублажаю тебя: въ вѣчное воспоминаніе твоего исповѣданія, Я называю тебя именемъ отъ твоего собственнаго исповѣданія, которое ты произнесъ, — я называю тебя Петромъ. А сколь цѣнно и важно то, отъ чего взято даруемое теперь тебѣ имя, такъ знай, что на немъ, на этомъ камнѣ (*ἐπὶ ταύτῃ τῇ πέτρῳ*), отъ котораго и твое имя Петръ (*Πέτρος*), я создамъ переконь, которую и врата адовы не одолѣютъ. Такимъ

образомъ не Петръ та скала. на которой Христосъ обѣщался создать церковь свою, а Сынъ Божій и исповѣданіе сего имени въ родѣ человѣческомъ, т. е. Самъ Иисусъ Христосъ, привившій къ Себѣ искупленный Имъ родъ человѣческій. Дальнѣйшее за тѣмъ обѣтованіе о связывающихъ и разрѣшающихъ ключахъ находится въ прямой связи со всею предыдущею рѣчью. Получивъ въ лицѣ Петра отвѣтъ отъ апостоловъ, что они признають его Сыномъ Бога живаго, Спаситель воспользовался этимъ случаемъ, чтобы снова и снова раскрыть имъ характеръ своего ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ той церкви, которую Онъ имѣетъ основать, и того способа, который слѣдуетъ практиковать въ этой церкви, чтобы ввести людей въ царство небесное. Въ данномъ случаѣ рѣчь обращена къ одному Петру, такъ какъ онъ одинъ за всѣхъ произнесъ исповѣданіе Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго; но очевидно, что, опредѣляя его одного положеніе въ церкви и къ церкви, Спаситель вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялъ положеніе и остальныхъ учениковъ своихъ, такъ какъ и они вѣдь въ лицѣ Петра исповѣдали Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго. Каково же это подожженіе ихъ въ церкви? Дамъ тебѣ ключи царства небеснаго и пр. Здѣсь прежде всего обращаетъ вниманіе слово: „дамъ“. Форма будущаго времени этого слова показываетъ, что Спаситель только обѣщался даровать Петру ключи, но еще не далъ ихъ. Слѣдовательно видѣть здѣсь врученіе Петру власти въ церкви по меньшей мѣрѣ преждевременно. Это врученіе ключей только еще обѣщано, но пока не исполнено. Въ данномъ случаѣ изъ текста рѣчи, разсматриваемаго въ связи съ контекстомъ, можно усмотрѣть только характеръ этихъ ключей, т. е. то, когда и какъ слѣдуетъ связывать и когда и какъ разрѣшать. Такъ какъ исповѣданіе Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго, открывается не плотію и кровію, которыя въ человѣкѣ, а Самимъ Отцемъ небеснымъ; такъ какъ, далѣе, и приращеніе къ церкви, имѣющей въ основаніи Самого

Иисуса Христа, возможно лишь чрезъ воспріятіе откровенія Отца небеснаго о имени Его единороднаго Сына, и такъ какъ, наконецъ, самое обѣтованіе ключей обусловлено именно этимъ исповѣданіемъ Сына Божія; то, очевидно, и примѣненіе этихъ ключей должно зависѣть не отъ того, какъ явить плоть и кровь, которая въ человѣкѣ, а все отъ того же откровенія Отца, сущаго на небесахъ, Который являетъ вѣрующимъ и Своего Сына, иначе говоря, ключи даны для того, чтобы связывать, что слѣдуетъ связывать, и разрѣшать, что именно слѣдуетъ разрѣшать. Такимъ образомъ характеръ этой церкви, построенной на Самомъ Иисусѣ Христѣ, есть по преимуществу духовный и ключи, обѣщанные ея учителямъ и правителямъ, тоже будутъ имѣть только духовный характеръ; они будутъ лишь свидѣтельствомъ о правдѣ Христовой или неправдѣ людской въ средѣ членовъ церкви. Что подъ камнемъ, на которомъ Христосъ обѣщаль создать церковь свою, слѣдуетъ разумѣть не самого Петра, а его исповѣданіе Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго, открытое ему Отцемъ небеснымъ,—исповѣданіе, которое въ лицѣ Петра произнесли и прочіе апостолы, которое, по смерти Петра и остальныхъ учениковъ Христовыхъ, будутъ произносить ихъ преемники и преемники преемниковъ въ союзѣ съ вѣрующими до скончанія вѣка,—это несомнѣнно открывается и изъ послѣдующей рѣчи Спасителя. „Съ того времени, повѣствуетъ Евангелистъ, Иисусъ началъ открывать ученикамъ своимъ, что ему должно идти въ Иерусалимъ, и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть. И отозвавъ Его, Петръ началъ прекословить Ему: Будь милостивъ къ Себѣ Господи; да не будетъ этого съ Тобою. Онъ же, обратившись, сказалъ Петру: отойди отъ Меня, сатана; ты мнѣ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое. (Мѡ. 16, 21—23). Только-что давъ понятіе ученикамъ своимъ о характерѣ и сущности цер-

кви, которую Онъ имѣеть создать на исповѣданіи людьми Его Божественнаго имени (открываемаго имъ Отцемъ небеснымъ), Спаситель началъ теперь открывать родъ и способъ, посредствомъ которыхъ Онъ создастъ эту церковь. Вполнѣ согласные съ сущностію и характеромъ только-что обѣтованной церкви, эти родъ и способъ основанія ея, однакожь, показалиcя ученикамъ его соблазнительными. И въ самомъ дѣлѣ, думали они, какъ возможно Сыну Божію, который только-что призналъ Себя таковымъ, пострадать и умереть, быть вмѣнену съ беззаконниками? Это несообразно и съ достоинствомъ Сына Божія, да и соблазнительно для людей. Такъ не возможно не только увѣковѣчить, но даже положить и начало той церкви, о которой только что говорилъ Христосъ. Съ точки зрѣнія людской, человѣческой это не мыслимо. Петръ, отличающійся отъ всѣхъ пламенною ревностію, и поспѣшилъ выдвинуть эту человѣческую точку зрѣнія. Не отъ себя только, а опять отъ лица всѣхъ учениковъ (мыслившихъ съ Нимъ одинаково) онъ началъ прекословить Учителю: „Будь милостивъ къ Себѣ, Господи; да не будетъ этого съ Тобою“. Вотъ это прекословіе — уже не откровеніе Отца небеснаго, а откровеніе плоти и крови, сущихъ въ Петрѣ, какъ и во всякомъ другомъ человѣкѣ, и оно, какъ таковое, заслуживаетъ не ублаженія (*μακάριος*) и не похвалы (*Πέτρος*), а порицанія; за эту человѣческую думу Петръ получалъ названіе: сатана. Его прекословіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ такого названія, что въ немъ высказывается не столько забота объ Учителѣ (хотя бы и человѣческая), сколько о себѣ, о тѣхъ ключахъ и связанномъ съ ними его положеніи въ церкви, которые онъ понималъ плотски, человѣчески, совершенно въ противоположномъ смыслѣ духу устрояемой Христомъ церкви. И вслѣдъ за этимъ, обратившись уже ко всѣмъ ученикамъ своимъ, — ибо вѣдь и они мыслили подобно Петру и что сказано доселѣ Петру, въ одинаковой мѣрѣ относится и ко всѣмъ имъ, — Спаситель сталъ имъ еще

явѣе и прямѣе раскрывать духовный характеръ своей церкви, противоположный характеру мірскихъ царствъ, и духовный способъ спасенія душъ, совершенно противоположный тому способу, который доселѣ считался единственно возможнымъ, да еще и считается таковымъ людьми. Такимъ образомъ, и изъ продолженія рѣчи Спасителя явствуетъ, что Онъ говоритъ о Себѣ и о исповѣданіи Его людьми Сыномъ Божиимъ, какъ незыблемомъ основаніи церкви, а не о Петрѣ, какъ бы слѣдовало, если полъ камнемъ, на которомъ будетъ воздвигнута церковь, разумѣть его; что Петръ самъ по себѣ лишь на столько участвуетъ въ основаніи церкви, на сколько и остальные ученики Христовы. на сколько будутъ участвовать ихъ преемники и послѣдователи, — исповѣданіемъ Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго; но что на Петрѣ, какъ лицѣ, человѣкѣ, даже и не мыслимо построить такое вѣковѣчное зданіе, какъ церковь, ибо въ немъ возможны не только откровенія Отца Небеснаго, но и откровенія плоти и крови, за которыя онъ заслужилъ названіе сатаны. — Римскіе первосвященники даютъ иной смыслъ этому мѣсту Писанія. Слова Спасителя: „Ты Петръ“ и пр. они выхватываютъ внѣ связи съ предыдущею и послѣдующею рѣчью и толкуютъ такъ, что здѣсь Онъ *далъ* Петру власть надъ всею церковію; что эта власть его безусловна, всеобъемлюща; что остальные апостолы получили свою апостольскую и священническую власть уже не отъ Самого Христа непосредственно, а отъ Петра; что на этой власти покоится все зданіе церкви, ея ученіе или догматы вѣры и ея единство; что, слѣдовательно, безъ нея церковь безспорно рушилась бы. Такое искаженіе рѣчи Спасителя и преувеличеніе правъ апостола Петра потребовалось Римскимъ первосвященникамъ вовсе не изъ какого либо пристрастія къ личности апостола Петра, — такого пристрастія не требовалось ни съ какой стороны, — а единственно изъ непоумѣрнаго пристрастія къ самимъ себѣ, къ своей собственной вла-